

Г. Мичурин

Театр на распутьи

«Каждая его постановка — это новый театр. Каждая его постановка могла бы дать целое направление. Мейерхольд дал корни театру будущего и будущее воздаст ему. Все театры далекого будущего будут построены и основаны так, как это предчувствовал Мейерхольд. Мейерхольд гениален, и мне больно, что этого никто не знает, даже его ученики». Так писал о театре Всеволода Эмильевича Мейерхольда в 1920—21 г. покойный Вахтангов. 15 лет в наше время — это очень много. Мы вправе считать себя уже современниками того «будущего», о котором говорил Вахтангов.

Совсем недавно во время IV фестиваля наш театр посетил видный американский театралог критик Аткинсон. Он писал о Мейерхольде как о необычайно тонко чувствующем художнике, каждое указание которого актерам (Аткинсон присутствовал на репетиции «Юбилея») необычайно ценно, насыщено острыми и глубокими содержанием, по что никакой особой «системы Мейерхольда» не существует. Аткинсон отмечал также, что в отдельных сценах наших спектаклей («Горе уму») вещей слишком много, что они заслоняют живого актера.

Еще одно соловствование. В 1921 г. Мейерхольд поставил «Зоря». В текст верхарновской драмы о необычайным политическим тактом и художественной силой он ввел монолог о боях Красной армии у Переконя. Прошло 15 лет. В СССР принята новая Сталинская Конституция, в которой запечатлены великие победы социализма. И в эти дни на подмостках театра, руководимого Мейерхольдом, идут «Чеховский спектакль», «Горе уму», «Дама с камелиями». Я об этом говорю с необычайной болью, с чувством внутренней скорби, которую не сироешь ни от себя, ни от других. Как могло это случиться? Как мог наш театр дойти до подобного состояния?!

Тут дело не в одной какой-нибудь неудаче, каком-нибудь частичном недосмотре. Очевидно, театр наш вполне закономерно пришел к своему нынешнему состоянию. Я хочу затронуть несколько основных вопросов, определяющих творческую жизнь театра им. Мейерхольда. Начнем с репертуарной политики. До последнего времени ее может быть и совсем не было. Мы жили «драматургическим самоутехом» и возобновлением старых спектаклей. Только сейчас, когда мы начали работу над сейфуллинской «Наташей» и «Корчагиным» Островского, появляются надежды на возвращение театра к активному и политически актуальному репертуару.

Вокруг нашего театра слишком много пустоты. Мы не ощущаем того живого общения с лучшими нашими драматургами, которыми мы гордились еще лет восемь назад. Репертуар ни в одном советском театре не может строиться вне зависимости от состава труппы и склонностей отдельных актеров. В нашем театре этого нет. Многие наши актеры пребывают в состоянии незанятости длинный ряд театральных сезонов. Актер Свердлов не получает ни одной новой роли уже четыре года, Эраст Гарин уже восемь лет как не играл ни в одной новой постановке.

Постановочный план каждого мейерхольдовского спектакля — это почти самостоятельное произведение искусства. Это совершенно точно и очень тонко разработанная режиссерская партитура, в которой музыка, свет, мизансцены, весь внутренний ритм спектакля продуманы и разработаны с предельным совершенством. Я уверен, что по этим «режиссерским партитурам» можно будет восстановить любой спектакль Мейерхольда даже через много десятков лет. Но одного в них не хватает — внутреннего раскрытия актерского образа, характеристики и мотивации поведения актера на сцене. Очень часто актер воспринимает в блестящем показе мастера только его внешний рисунок. И не нарушая сложной формы спектакля, найденной мастером, омертвляет ее этим самым. Мейерхольд много раз говорил о том, что он является учеником великого Станиславского. И это действительно так. Но почему же он ничего не делает для того, чтобы разрушить ту китайскую стену, которая неведомо кем воздвигнута между нашим и Художественным театром? Пусть у Всеволода Эмильевича имеется много оправедливых и убедительных возражений против отдельных положений «системы» Станиславского. Но разве она вся в целом не могла бы оплодотворить и обогатить наше актерское сознание, наше творческое мастерство? Почему лет непрерывного творческого общения между нашими театрами? Почему нет обсуждения планов отдельных постановок нашего театра о коллективами других, стоящих на достаточно высоком культурном уровне театров нашей страны?

Мейерхольду предстоит еще очень много сказать и еще очень много сделать для нашего театра. Но почему он медлит, почему он так стал отставать от нашей революционной современности? Откуда этот опасный разрыв между стремительными темпами нашей современности и замед-

ленными, построенными на мхатовских паузах производственными темпами театра им. Мейерхольда?

Это положение не сейчас возникло, и мысли о нем волнуют актеров нашего коллектива также не впервые. Но часто и громко говорить об этом как-то не приходилось. Не особенно еще любит в наших театрах рассуждающих актеров. И театр, руководимый Мейерхольдом, не составляет исключения. Наши общественные организации — партийная, комсомольская и профессиональная — не сумели придать творческой и общественной жизни нашего коллектива большевицкий характер.

Если я, сравнительно молодой актер театра им. Мейерхольда, осел необходимым сейчас заговорить с общественной трибуны о состоянии и судьбах нашего театра, то лишь потому, что я, как и весь наш коллектив, чувствуем, какое ответственное и решающее время мы сейчас переживаем. Мы должны мобилизовать все наши моральные и творческие силы для борьбы за оздоровление нашего театра, за освобождение Мейерхольда от той «мейерхольдовщины», которая одолевает его не только извне. Очень часто мы ощущаем, что эта «мейерхольдовщина», точно коррозия на поверхности благородного металла, начинает разедать творческий дух Мейерхольда. И если сейчас поставлен в порядок дня вопрос о творческой реконструкции театра им. Мейерхольда, театра, который имеет немалые заслуги перед всем советским искусством, то прежде всего должна быть мобилизована для этого творческая воля самого коллектива театра. Но не только она. Вопрос плодотворной творческой работы театра им. Мейерхольда — это не есть вопрос жизни только коллектива нашего театра. Слишком органически и глубоко переплелась работа Мейерхольда за последние 10 лет с судьбами всего советского театра в целом. И за оздоровление, за преодоление всех внутренних и внешних препятствий, мешающих нормальной и плодотворной жизни нашего театра, должен взяться не только наш коллектив, но и вся театральная общественность.

Статья т. Мичурина не исчерпывает большой и важной темы о судьбах театра Мейерхольда, безусловно нуждающегося в развернутой критике театральной общественности. Редакция приглашает работников театра продолжать обсуждение вопросов, поднятых тов. Мичуриным.